

СКОРОТЕЦА.

(*Courier.*)

Число 31.

Четвртакъ 22 Априла 1843.

Год. II.

СРБСКА ЖЕРТВА ИОВАНУ КОЛАРУ.

Какъ же того не любити, иже Народъ свой
любить, чтить и возносить высрь?

Мушицкій.

Мила душа славногъ рода,
И предивный Славства цвѣтъ,
Редка главо, о Колару
Ты да е', вели целый светъ.

Красну мыс'о: „Славнымъ быти“
Благородна т' пита грудь;
Не стидишь се ты живити,
К'о достоянъ Славства удъ.

Дивно ума твога цвѣће
Свудъ просипа мирисъ свой;

Показуе полъ веће,
Гди не с' множит' умный рой!

Животворный Твога чела
Кадъ е вид'ла Слава зракъ;

У изливу чувства-й рекла:
„Славство иов бежи мракъ“! —

Я те изблиз' давно мотримъ,
У Теб' земну сматрамъ тварь;

Оваковий, у себ' мыслнмъ,
Столѣтіе раѣ даръ. —

Дуго сая намъ звездо мила,
Любећ' языкъ, иже, родъ!

Своиъ соколу подай крила, —
Наћ' не праве славе плодъ! —

Догодъ краси наше племе
Бынемъ своимъ земный кругъ,
Славиће ти славно име
И найдалій Славства другъ!!

Н.

ПУТОВАНЬ ИЗЪ ЦАРИГРАДА у Сірію по Карлу Тратнеру списано.

одъ

Динитрія Арнота.

(конаць)

Юшть у истый данъ наредимо пратио-
це и после подне кренемо се изъ На за-
рета у Наплъ. Крозь равнице вуста-
ре Есдрелонске смо прошли, коіой
подобне величине у цѣлой Сіріи нема.
Съ лѣва смо видили у црковной и свет-
ской повѣстницы знамениту гору Та-
воръ. Овде смо съ коня сишли, да ю
болъ промотримо; но за кратко време
наиће на насъ ято горски скитница, уз-
яшимо и растерамо ѿ: но еданъ изъ
меѣу пратиоца, не бы тымъ доволянъ,
счепа одъ друга пушку, и потеря за нѣ-
ма. Мы бовѣи се да не бы га разбойни-
цы умамили у гору да га поробе, викали
смо га натрагъ; но при свемъ томъ нѣ-
га нестаде; за кратко време доѣе, и на
наше питанъ заштъ нѣ пукао на нѣ,
пружи намъ пушку и каже да ни кремена
ни петла на нѣой нема. У Арапина е
све едно, было оружіе какво было, само
да има у руцы. — У овой равницы ви-

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

WWW.UNILIB.RS

дили смо ято магараца гдѣ пасу; видили смо землѣдѣлце гдѣ на волови ору у оно време, кадѣ в земля кодѣ насѣ снегомъ и ледомъ покривена. — Кадѣ смо кѣ Дѣнину присѣли, пошлѣмо едногъ пратиѣца напредѣ кѣ Муселиму (управителю) да намѣ конакѣ прибави. Дѣнинѣ в у средѣ шумадѣв лежеће сеоце. Муселимѣ насѣ у бѣломѣ кафтану и дугачкимѣ чибукомѣ у усти, на средѣ пазара дочека. Одведе насѣ у домѣ за конакѣ опредѣленѣ; ту конѣ повежемо; за постелю намѣ донесе нѣколико стары њебета. У цѣломѣ селу осимѣ кокошака и яя, за ело друго ни смо могли добити, коѣ в при свемѣ тежко было и сготовити, вѣрѣ куйнски посуѣа тамо одвећѣ мало има. Чаше и стакла нигди нема. Муселимѣ в цѣо данѣ на врати сѣдѣо, заповѣди наше очекивајући. Као што намѣ се видило нѣ странѣ одѣ поклона, и ако му се прилика пода, и самѣ изнише. — 1841 Јануарѣ 3, путѣ крозѣ Есдрелонске равнице поредѣ горе Каифа продужимо. По пространымѣ полянама свымѣ, многу смо земљу уздѣлану, но много више ледине видили, одѣ кудѣ се то заключити може, да у овой земљи сироты людѣи нема. Сирѣа в нѣгда 6 милиона жителя имала, кои су се садѣ на два рестопили. Овде смо се одѣ пратиѣца огомѣ извѣстили, да у лѣво лежећимѣ бреговма се налазе многа скривена мѣста, и пештере, одакле Бедуини штетна нападенѣа чине, кои су се одѣ обседе Ст. Јоанѣ де Акре у овимѣ непроходимымѣ горама натрагѣ повукли. Данасѣ смо одвећѣ несгодно путовали. Тако в тепло сѣяло сунце, да смо морали бѣлымѣ марамама главу одѣ прешеке чувати. Кодѣ насѣ ни у Јулиу нѣ тако жестоко сунце. Често смо се одмарали; вѣрѣ одѣ жаркости тако смо клонили были, да смо морали бунаре тражити, кои у цѣломѣ путу нисмо нашли. Предѣ вече стигнемо у Каифу;

дивне палме и весела вртова живость оживљаваше насѣ. Еднимѣ словомѣ: предѣлѣ дољне Азиѣ в рай на земљи / земљи медомѣ и млекомѣ кишећа.

БУГАРСКА ХЕРЦЕГИНЯ.

одѣ П. Стѣпа.

У едномѣ бою међу Грцима и Бугарима присѣ бугарска Херцегинѣ А* у руке Грка, кои в одведу у Цариградѣ, гдѣ ѣой строгѣи робства начинѣ нѣ толико додѣвао; вѣрѣ она быше предусретана, као у дому своѣ майке, и као кѣи едного принципа, — али све то удалѣной одѣ миле домовине Херцегинѣи не бы доста, — радо се она обазыраше, гдѣ в прву сунашца зраку угледала, гдѣ ѣой колѣвка стаяше и гдѣ у дружеству нѣжны другарица сладке звуке материнскогѣ взыка, когѣ ѣой своимѣ млекомѣ ули, нѣно срдашце узвышаваху, (чисто другѣи обичай, чисто други народа нрави ступише садѣ предѣ ню) и тузи подвргнута представляше црну свиту, коѣомѣ се одѣваю свакогѣ добра лишене и на гробови свои наймили горко сузеће домовине лѣпотице. Жалостне су рѣчи, и кадре су макарѣ одѣ камена тврђе срдце тронути, коѣ она у туѣинству као миле уздысав за своимѣ отечествомѣ више пута просишаше, я само неке наводимѣ: „Гдѣ самѣ, — а гдѣ су мои, гдѣ ли мило отечество? Гдѣ су оне красне ливаде, по кои крилећа са моимѣ нѣжнимѣ другарицама бра угодне ружице, — изѣ милогѣ куѣишта морадо побѣћи и у туѣинству нову майку тражити?! О туго! кадѣ ѣешѣ ме у гробѣ склонити и црнымѣ покриваломѣ покрити! Јошѣ я гледамѣ мѣста могѣ дѣдинства, јошѣ у духу мотримѣ планине моѣ домовине“. Ово су рѣчи, коѣ нѣгда кѣи хинезскогѣ краля, кадѣ ю Танши отме и за супругу уз-

ме, говораше „Ein Gezelt ist meine traurige Wohnung, Pfäle sind die Mauern meines neuen Vaterlandes, rohes Fleisch ist meine Speise, mein bestes Getränk geronnene Milch“! — Тужной бугаркињи сва изчезну надежда, икадъ се у домовину повратити, бѣше тако- ђеръ у Цариграду у христјанској вѣри обучавана, ков толикиј упливъ унѣну лѣпу душу имаше, да се и крстити даде. Међу тымъ братъ ове херцегинѣ Богоръ попне се на бугарскій престолъ, и духомъ храбрости узвышенъ, као такођеръ исеромъ любви за домъ свой занетъ већ у почетку кралѣвства намѣрава првашню властъ на Бугарию спадаюћу Грцима одузети, и њи подъ свое жезло метнути, ков му в лако было учинити, будући в Теодора мѣсто млађаногъ сына на престолу седила. — На тај коначъ пошлѣ онъ едноѣ поклицаре у Цариградъ, да онај данакъ, кои су Грци Бугарима јоштъ изъ прва плаћали, заишту. Кральница имъ одговори: „Краль некъ самъ дође по данакъ, а я ѣу га предъ войскомъ дочекати; ако ме придобѣе, нѣгово ѣе придобѣе, врбо са женомъ воюв, увенуте лаврове донети, а напротивъ, ако одъ ѣдне жене придобѣтъ буде, тымъ ѣе быти већа за нѣга поруга“. Ово краль сматраюћи, не збогъ страха, што бы придобѣтъ быо, већ изъ многи други узрока учини миръ, а Теодора одма затымъ пошлѣ му поклицарство молећи га, да нѣногъ едногъ поданика, другчѣв врлогъ мужа у време рата у Бугарин задржатогъ одпусти, и да в она свагда преправна новце за одкупъ послати. Богоръ се на то приволе, но съ томъ погодбомъ, да му мѣлу сестру кући пусти. Што и Теодора учини. О сладкогъ часа за убогу Херцегиню. Сладка си о домовино! сузе радости проливаюћи, говораше она, сладка си, и величествени су жары твоѣ любви! Тко те небы любіо? тко небы за тобомъ чезнуо? и тко се за

тебе небы жертвовао? макаръ ништа друго и не постигао — само земля твоя да га у свой ладный наручай прими, и да му гробъ покрай славны праотаца да.

(коначъ слѣдуе).

БИОГРАФИЕ ЗАСЛУЖНЫ СЛАВЕНА.

Бугаринъ.*)

(продуженіе.)

Бугаринъ (Тадеа) садашњи найславни русскій писатель рођенъ в 1789 у Литви, и быо в одъ 1798 у Кадетской кући у Петербургу воспитанъ, будући да в тесно положеніе, у ков в нѣгова мати после несрећногъ излазка борбе у Польской, на којой в и нѣговъ отаць подъ Косціускомъ участвовао, дошла, ню побудило, тамо помоћъ тражити. У Петербургу заборави Б. наско- ро свой материнскій языкъ; напротивъ чиніо в онъ подъ внимателнымъ руководствомъ нѣговы учителя, кои су нѣговъ ранно збућеній талантъ нѣговали, весма брзе успѣхе. Оставивши 1805 кадетску кућу, ступи онъ у уланерску регементу великогъ Кнѣза Константина, гди в у рату противъ Французске са многимъ отличіемъ служіо. После Тилзитскогъ мира живіо в онъ кратко време у Петербургу, докъ га рать противъ Швеціе у Финландію не одведе, гди в онъ са пред- номъ войскомъ подъ Каменскимъ до Торнее дошао. Крозь негодна отноше- нія побућенъ, остави онъ после нѣго- вогъ повратка русску воену службу, и отиде у Варшаву, гди в више нѣговы сродника живило. Доцнѣ отиде онъ у Французску, узме французске службе и дође 1810 къ войски у Шпаниі. У почетку рата одъ 1810 западне онъ у прус- ско сужанство, добѣе пакъ скоро за тымъ свою слободу опеть, и отиде у

*) Изъ „Conversations-Lexikon der Gegenwart, Leip- zig 1838 F. A. Brockhaus.

Наполеоновъ главный квартиръ, кои му заповѣлъ сврхъ едногъ отдѣленія добровольный войника преда. Съ паденіемъ Наполеона оконча се и нѣговъ военный течай. Онъ оде у Варшаву, и напише различна хумористична и поетична дѣла у полячкомъ ъзыку, когъ е у Шпаніи опеть научію быо. После по налогу нѣговы сродника у Петербургъ отишавши, да нѣке парничне ствари у редъ доведе, побуди га тамо налазакъ више нѣговы одъ младости пріятеля и негдашньи соученика, да у Руссіи остане. Онъ се одважи, нѣговъ талантъ на писательство обратити, жертвуе се ревностно къ учено русскогъ ъзыку, при чему га в нѣговъ пріятель Гречь подпомагао, у коегъ часопису нѣговы прилозы изиѣоше, и почне у г. 1823 вданъ собствены часопись: „Сѣверный Архивъ“ издавати, кой е найпре изключительно за Историю, землѣопись, и Штатистику опредѣлѣнъ быо, но скоро за тымъ узымао е и забавна сочиненія. Нѣгова хумористична и сатирична списанія наѣоше живостно одобреніе, и наскоро задобы си онъ гласъ едногъ одъ наймилии писателя. У союзу са Гречомъ почне онъ 1825 другій часопись, „Сѣверная пчела“, и у истой години изда онъ првы драматичны алманахъ: „Русская Талія“ кой се истинна продужавао нѣ, но кои е послѣ послѣдователя нашао. У г. 1827 уреѣеномъ издавано нѣговы „Свію списанія“ (нѣмецки одъ Олденкопа 4 свезке Липска 1828) скупію е онъ найболя, у часописма пре разсеяна, сочиненія и све преповѣдке, понайвише сатирична нарави описанія. Такоѣе су унутра нѣгова „Опоминаня изъ Шпаніи“ коя су найпре год: 1823 изышла, и коя на угоданъ начинъ сбѣтія описую, коя е онъ одъ 1810 у Шпаніи доживію. Нѣгове черте есу изъ живота често среѣно узете, и вообще су найболѣ овогъ начина, што русско кнѣжество притяжа-

ва, но нѣгова Сатира има мало нѣкѣй старинскѣй видъ, нѣгово боядисанѣ више засѣнява нежели е сылно; описи на-рава, коѣ онъ дав, есу не редко манѣрирани, а нѣговымъ характера образа оскудѣва особливостъ. Почемъ е онъ „Образъ турскогъ рата у г. 1828“ (нѣмецки одъ Олденкопа 4 свезке, Петерб. 1830) издао, наступи онъ съ нѣговымъ „Иваномъ Вуйшигиномъ или русскимъ Жилъ Блазомъ“ (нѣмецки одъ Кайсера, 4 свезке Липска 1830. одъ Олденкопа 4 св. Петерб. 1830) у ширій предѣлъ, гди е свой талантъ у ширемъ описанію карактера и нарави русскогъ народа показати могао, премда ово дѣло, као што се е доказывало, прво подражаніе русско, одъ често веѣъ подражаемого Французскогъ оригинала было нѣ. У колико е привлекателанъ овай романъ као редъ описиваня и бывао, то се ипакъ тежко може за сасвымъ вѣроятный образъ русскогъ живота сматрати, будући да Б. премда онъ поединости право поня, и гдиною черту истинито изражава, одвеѣъ претеруе и преизпунява, да дѣйство повиси, и будући да вообщче, исторія едногъ одъ случая тераногъ отваге, нѣ найболы видъ за описъ дружественогъ состоянія. Продуженіе овогъ романа вѣтъ онай 1830 изышавши романъ „Петаръ Ивановиѣъ Вуйшигинъ“ (нѣмецки одъ Норка 3 св. Липска 1834) комъ е после „Роставлевъ, или Руссія у г. 1812“ слѣдовао. У окружію историчногъ романа, коѣ е Б. съ нѣговымъ „Димитріемъ“ а недавно са „Мацепомъ“ (2 свезке) наступію, бяше Федоровъ, когъ е Валтеръ Шкотъ возбудио, нѣговъ предшественикъ. Рисованѣ карактера у „Димитрію“ вѣтъ слободнѣ одъ манѣре нежели у Б. осталимъ романима и природнѣ, а некои карактера образы башъ су превосходни; онъ е историчну матерію врло добро употребыо, а стражнѣ положеніе

или тихій животъ нѣговогъ рысованя са многымъ знанѣмъ древногъ времена прилѣжно е изведенъ, ако се башъ ово исторично знанѣ одвећъ дарежљиво и предлаже; при томъ зна онъ жемо читаня увекъ животно уздржати.

А. А.

(коначъ слѣдуе)

ПОВЕСТЬ НАРАВИ.

(Скакавци у северной Руссиі.)

Было е ово три сата после полдне, и изъ далека подиже се еданъ брегъ, првый, кога смо после Лемберга видели. Я самъ седіо на крову кола, и приметимъ еданъ великій црнь облакъ. Испрва самъ држао за облакъ непогоде, но наскоро ме онъ у удивлѣнїѣ доведе; еръ истый облакъ часъ се продужио, часъ пакъ скупио. На еданпутъ стадоше кола, и Грофъ..... кои е у зачело седіо, рече ми. „Видите л' тай црный облакъ Доктору? то су скакавци. Мы ћемо, пре него што у Одессу приспемо, чути, какво су опустошенїе починили. Тешко ономъ, на кога се они добро спусте; ту ни еданъ зеленъ листакъ остати не ће“. Наскоро се изгубе скакавци испредъ наши очію, но кадъ у Севериковно приспемо, гди стриць Графа обываваше, тамо їй затечемо. Старый Графъ, мршавъ, слабъ и старъ, но врло изображенъ човекъ и зиѣ предъ насъ съ речма: „Вы долазите, да ме ове године упропашћена видите; скакавци су у мојой башти и у полю, и мои сироти поданици ни едно зрице собрати не ћеду. Они су сви изишли са кленетушама, да непријателя отераю, но трудъ имъ е сувтанъ: мы немамо доста руку войску такову побити; одите у башту и видите, како се земля и дрва одъ нѣи црне“. За свакогъ, кои очевидаць быо ни е, то е невероятность. Сва земля была е тымъ инсектима по-

кривена, кои су еданъ преко другогъ милили, но сви еднымъ путемъ одлазили. Они се ни су дали погазити, него цвркутаюћи одметали су у гомили и кодъ првы се спушћали. Таковымъ начиномъ сви се они спушћают; први се спусте на землю, найблѣжи нѣима иду предъ нѣи, и све тако, докъ последњи први не буду. Изгледъ дрва е врло знаменитъ; талїанске тополе изгледале су наликъ на жалостне врбе, еръ витѣе гране одъ тежине скакаваца све су се быле спустиле. Многа су дрва сасвимъ гола была; еръ скакавци више свале него што поведу; они стабла прегризу и тако листъ падне на землю. — Инсектъ оваї болѣ е познатъ, него да бы га нужно было описивати; нѣи више феле има, но они мали са бледо-црвени крили су најпрождрљивїи; колена су имъ подугачка, но опетъ ни су за скаканѣ, као кодъ наши скакаваца; више пута иду они лагано, и као што се чини подъ заповешћу предводителя. У летеню врло високо се не одигну у воздухъ, но опетъ пазе, да се людїи не дотакну, дижу се пакъ часъ више, часъ опетъ се ниже спуштаю. Свака женка леже 80-100 яя, коима само една влажна и блага зима препећуе, да се не могу излећи. — Говори се да ови инсекти текъ после седамъ година долазе. И то се о нѣима говори, да, кадъ сву зеленъ поведу, онда еданъ на другогъ насрћу, и тако слаби биваю рана силни.

(Ст. VI.)

ЦАРЪ ІОСИФЪ

КАО ЛАЙТНАНТЪ, И ЕДАНЪ СУДАЦЪ.

одъ І. Чокерлина.

Іосифъ II у лѣту 1784 у Бохемию додошавши, застане онде велику оскудость у раны, коя е манѣ классе людма найвећу нужду и очаянїе свакогъ дна уз-